

Глава III

Троицкие гуляния

Этот древний праздник, как сообщают краеведы, приурочен к одному из самых ответственных периодов народного земледельческого календаря – седьмой неделе после Пасхи. Неделю эту наши предки называли по-разному: «семиковой», «русальной», «зеленой». Молодежь в течение этой недели устраивала гуляния, игры и хороводы вокруг березки в лесу, на берегу реки или в деревне. Праздник ждали весь год и тщательно к нему готовились.

*Как у нас в году
три праздника,
Первый праздник
Семик честной,
Другой праздник
Троицын день,
А третий праздник
Купальница.*

В наши дни к этому празднику тоже готовятся тщательно, а местная пресса широко освещает это событие, рассказывая своим читателям об истории и традициях Троицких гуляний. Вот что написала Людмила Концедайло в «Тверской Жизни» от 10 июня 1997 года:

«Троица – завершающий день семицких гуляний. На Троицу ходили в церковь с букетами полевых цветов. Эти цветы потом засушивают и хранят за иконами для разных надобностей: их кладут под свежее сено, чтобы не водились мыши, в норы на грядки от землероек и на чердак – от комаров. В церкви пол усыпается травой,

ее всякий при выходе от обедни старается захватить из-под ног, чтобы примешать к селу, вскипятить с водой и пить как целебную.

Разнаряженную березу срубали, обносили вокруг деревни, потом втыкали на улице и начинали водить вокруг нее хороводы. Напоследок девушки отправлялись на мосты пускать по воде венки, свитые в Семик. Роняя венки в реку, смотрели: чей венок легко поплывет, той и замуж вскоре выходить.

В Троицын день девушки спрашивали у кукушки, когда она кукует, долго ли им быть в доме отца. Сколько раз прокукует, столько лет и ждать им замужества».

Выглядело это примерно так. Сначала звучала лирическая русская песня, например вот эта:

*Время милому жениться, время ехать со двора...
Ой-ли, ой, лю-ли, время ехать со двора.
Мы пешочком не пойдем да лучше троечку наймём...
Ой-ли, ой, лю-ли, лучше троечку наймём.
Милый свататься поехал по богатым по местам...
Ой-ли, ой, лю-ли, по богатым по местам.
Сани лаковы изъездил, шубу лисью износил...
Ой-ли, ой, лю-ли, шубу лисью износил.
Шубу лисью износил да что желал, не получил...
Ой-ли, ой, лю-ли, что желал – не получил.
Что же, миленький, тебе, да нету счастья нигде?
Ой-ли, ой, лю-ли, нету счастья нигде?
Не за Волгой, не у нас, да везде милому отказ...
Ой-ли, ой, лю-ли, да везде милому отказ.*

Сразу же после исполнения песни появлялись девушки в старинных нарядах, в венках, с травой и ветками, посыпали этой травой пришедших на праздник зрителей, раздавали им ветки, после чего подходили к березке и внимательно ее осматривали.

Петр. *Чего это там они делают?*
Фёдор. *Чего-чего? Замуж хотят. Осматривают на березе свои венки, завитые еще на Семик. Гадают по ним.*
Иван. *Как это?*
Фёдор. *Если венок завял или расплелся, то это плохо. Может, что никто и не возьмет замуж.*
Пётр. *Ничего себе! А еще на чем девки гадают на Троицу?*
Фёдор. *На кукушке!*
Иван. *На настоящей кукушке?*
Фёдор. *Не на дятле же им гадать? Надолбит – замучаешься ждать.*

Мужики притворились в деревья.
Девушки выходят на авансцену.

Маша. *Кукушка-кукушка, сколько лет еще мне быть в доме отца?*
Иван. *Ку-ку-ку-ку-ку!*
Маша. *Целых пять лет...*
Дуня. *А мне, кукушка, сколько лет быть в доме отца?*
Петр. *Ку-ку!*
Дуня. *Два года?*
Петр. *(Разводит руками.) Ку-ку! Два раза "ку-ку", значит два года.*
Ксюша. *А мне, кукушка?*
Фёдор. *И тебе – ку-ку!*
Нюра. *А мне, кукушка, сколько лет жить в отцовском доме?*
Степа. *Ку...*
Нюра. *Почему так ма...*
Голоса. *Нюрка! Беги домой! Там тебя сватать приехали!*
Нюра. *Ой, мама-мамочка! Ой-ой-ой! Ай-ай-ай! Я боюсь!*
Девицы. *Чего ты боишься?*
Нюра. *А? Я боюсь, что, пока добегу, жениха след простынет!*

Видите, какие страсти бушевали на Троицу! Вот откуда пошла и песня народная – «...некому березу заломати, люли-люли заломати». Бедные деревца за тысячи лет столько претерпели...

Но не только кукушки кукуют в эти дни на деревьях вокруг Торжка. Оказывается, в понедельник, с утра, сразу же после Троицы,

когда у народа нашего еще болит голова и надо бы идти на работу, русалки местные, подстрекаемые лешим, выходят из воды, каким-то образом заползают на деревья, сгоняя оттуда кукушек, дятлов и прочих безобидных птиц, наглым образом раскачиваются на ветках, при этом бесстыдно виляя своими влажными чешуйчатыми хвостами. Кроме того, как сообщают местные краеведы и историки, эти русалки издают какие-то особые звуки, похожие на вздохи и стоны, заманивая таким образом наивных мужичков-новоторов в свои объятия, чтобы затем их защекотать. И, между прочим, в предместьях Торжка нет-нет да и найдут отбившегося от дома мужчину, защекотанного русалками...

Замечу, что эти русалки в последнее время облюбовали проходящую неподалеку трассу Москва – Санкт-Петербург. Они выходят обычно к вечеру, и уже не только по понедельникам, и не висят, как когда-то, на деревьях, а в основном стоят вдоль дороги, парами или даже небольшими стайками, выдавая себя за девиц легкого поведения. Хвосты свои они умело маскируют под девичьи ноги, и им это без особого труда удается, потому что проезжающей шоферне, особенно вечно спешащим дальнобойщикам, ноги их не особенно нужны...

Вернемся, однако, к нашему празднику.

Поскольку Тверской край неразрывно связан с именем А.С.Пушкина, то Троицкие гуляния стали частью Недели литературы и искусства, посвященной 198-й годовщине со дня рождения Александра Сергеевича. Два народных праздника соединились, и уже несколько лет в Торжке их отмечают вместе. Проходят Троицкие гуляния на берегу Тверцы у деревни Василёво на территории Музея деревянного зодчества. Описывать природу этих мест мы не станем, потому что она и без нас воспета в прозе, стихах и живописи, а вот о Музее деревянного зодчества рассказать стоит.

Такие музеи под открытым небом стали возникать на территории бывшего СССР в конце 70-х годов. Причины этого всплеска любви к своим корням отыскать сейчас, наверное,

невозможно. Скорее всего, кому-то из высокого начальства, возможно выходцу из деревни, пришла в голову идея сохранить таким образом наше уходящее наследие. В данном случае – деревянные постройки. Ну а как еще их сохранить, если не свезти в какое-то одно место, огородить забором и назвать музеем или заповедником? Не так ли спасали зубров или других исчезающих животных? Собрали вместе, создали условия, и животные живут себе, благополучно размножаясь. Почему бы так не поступить с домами?

Так появились музеи в Псковской и Новгородской областях, в Костроме, в республиках Прибалтики. Подчиняясь предписанной свыше моде, стали создавать такой музей и в Торжке. В 1981 году было подобрано место – вот этот самый берег Тверцы у деревни Василёво. Надо сказать, что место очень удачное, потому что здесь, на территории бывшей усадьбы помещиков Львовых, берег

представляет собой своеобразные террасы, будто специально созданные для размещения на них музейных экспонатов.

Тогда же, в 1981 году, сюда привезли первые постройки, и с тех пор музей находится в «стадии создания». На самом же деле он всюду разрушается. Дерево гниет, крыши текут, водяная мельница уже сгорела, новую стали строить – недостроили. Музеем особо никто не занимается, денег на благоустройство и поддержание нет и не предвидится. Новые экспонаты сюда уже давно не везут, потому что опыт показал: привезенные памятники архитектуры, оказывается, погибают в подобных музеях быстрее, чем если бы они охранялись на своем прежнем месте. К тому же перевозили и ремонтировали их все-таки наши, советские, строители, которые нарушили все технологии по работе со старой древесиной: плохо рубили, неправильно крыли, по-дурацки располагали... Подумаешь, музей! Кроме того, всякий дом требует хозяина. В нем обязательно должны жить люди.

А иначе строение будет бесхозным и безжизненным, в полной зависимости от какого-нибудь рокового случая, который позволит или не позволит ему устоять. Одним словом, постройки это все-таки не животные: сами собой не размножаются, пищу себе не добывают и

от людей спастись бегством не могут. Про то, что сожгли мельницу, мы уже говорили, а буквально накануне праздника газета «Новоторжский вестник» сообщила о разорении одного из экспонатов музея – трактира XIX века.

«На днях в одну уникальную постройку (в трактир) ворвались воры. Похищенные из трактира вещи оценены в 2,5 миллиона рублей. По факту возбуждено уголовное дело. Но пока, как говорят, суд да дело, и праздник нагрянет, а трактир в разоре. Да-а... Похоже, воры себя же и обокрали. Хотя они вряд ли будут участниками праздника».

Этот трактир был перевезен из деревни Булясово Рамешковского района, где благополучно простоял вплоть до начала 80-х годов, когда охранители старины перевезли его сюда в Василёво.

Кроме трактира в музее представлена русская изба-пятистенок конца XIX в., в которой когда-то жила большая семья. Нельзя сказать, что изба эта ухожена, скорее наоборот: вся она какая-то косая, кривая, серая, а поскольку стоит посреди леса – то еще и

одинокая. Хотя, как мне сказали, там живут сейчас беженцы. Вокруг избы находятся хозяйственные постройки, которые обязательно окружали такое крестьянское жилище. Где-то должен находиться скот, где-то надо хранить зерно и прочее, что обеспечивало бы жизнь семьи. Так, рядом с избой построена житница, со специальным подмостком и обязательно с навесом, чтобы привезенный в мешках или рогожных кулях хлеб не намок при разгрузке, если случится дождь. Кроме житницы рядом с избой стоит амбар, и здесь же – колодец, судя по всему, декоративный, потому

что, заглянув туда, воду не увидишь.

Выше крестьянского подворья находится деревянная церковь Знамения. Доставили ее сюда из села Пылево, Вельского района, в 1981 году и уже на месте отреставрировали. Специальная табличка сообщает, что эта церковь, клетского типа, была построена в 1742 году, хотя в книге Я.В.Малкова «Древнерусское деревянное зодчество», выпущенной в 1997 году Издательским домом «Муравей» (Москва), указывается, что церковь эта построена ровно на сто лет раньше – в 1642 году. Кто здесь прав – не знаю. Известно только, что в церкви Знамения есть уникальная

особенность: она имеет своеобразный шатровый потолок из восьми граней сложной формы и, наверное, поэтому подлежит охране как всенародное достояние.

Что значит: *клетского типа*?

Строили сначала четырехугольную клеть – крытый сруб с полами, потолками, дверями и окнами, а потом к ней пристраивали приделы. Клетские церкви и часовни строились на Руси без малого тысячу лет.

Другой шедевр деревянного зодчества – Церковь Спаса на Сози. (В церковной летописи: «Церковь Преображения на погосте Спасском, что на реке Созь».) Возведена церковь в 1728-1732 гг. Она гораздо больше церкви Знамения, у нее высокое одномаршевое висячее крыльцо и тоже очень редкое устройство потолка – «неба». Вид такого устройства назывался «кораблем». Церковь стоит на возвышенном месте, перед нею площадь, на которой обычно происходят праздничные представления.

Главки и барабаны у церквей и стоящих неподалеку небольших деревянных часовен покрыты осиновым лемехом – небольшими дощечками фигурной формы. Осина со временем серебрится, и создается впечатление, будто главки покрыты серебряными чешуйками.

Клетские часовни во множестве ставились в маленьких удаленных деревнях и селах, иногда в расположенных возле них священных рощах. Священник в часовне был не положен, поэтому службы по праздникам чаще всего отправляли сами крестьяне, они же и крестили, и отпевали. Строили часовни по своему разумению и

вкусу. Главное отличие от клетской церкви – отсутствие алтаря. Но зато в состав часовен чаще входят шатровые звонницы, венчающие притворы трапезных.

Что будет дальше с этими священными экспонатами – неизвестно. Хотели перенести сюда же и знаменитую деревянную церковь Вознесения (еще ее называют Тихвинской), которая находится в Торжке на берегу Тверцы, но затем решили оставить на своем историческом месте, и, судя по всему, сделали правильно.

Еще один экспонат – рига. Так называли большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота. Обычно рига ставилась на задворках, здесь же она почти в центре площади, напротив еще одного ценного экспоната – пожарного депо. Как мне сообщили, это обстоятельство вызывает недоумение у тех посетителей музея, которые знакомы с традиционным русским бытом.

В больших русских селах пожарное депо было обязательно. Обычно в нем были три створчатых въезда, в которых могли находиться три пары запряженных лошадей, пожарная бочка и прочие противопожарные инструменты и приспособления.

Профессиональных пожарных на селе не было. Ими становились крестьяне, каждый из которых хорошо знал, что и как ему делать, случись пожар. Чуть что, кто-то бежит и запрягает пожарную тройку с бочкой, кто-то тащит багор, кто-то ведра. Представленное в музее пожарное депо было построено в 1912 году в деревне Лаптиха Бежецкого района и перевезено в Василёво в 1984 году. Это единственное пожарное депо, сохранившееся в Тверской области, и надо отметить, что из всех экспонатов музея депо выглядит наиболее свежо и естественно.

Один из самых ценных экспонатов – ветряная мельница. Она, правда, стоит здесь без ветряка, но догадаться, что это все-таки мельница, а не баня, можно.

Представлен здесь и большой двухэтажный амбар XIX в. Его привезли из села Сутоки Рамешковского района. А последний

экспонат, доставленный сюда в 1989 году, – Часовня Успения XIX в. из деревни Фендераево, Вышневолоцкого района.

Усадебный комплекс в Василёве благоустраивался по проекту замечательного русского архитектора Николая Александровича Львова, который находился в отдаленном родстве с владельцами

усадьбы. Этот архитектор любил использовать в своих парковых постройках валуны, которые находили на местных полях. Здесь, в Василёве, Львов построил из таких валунов необыкновенной красоты арочный мост, который народ окрестный назвал «чертовым». Кому-то показалось, что к этому мосту приковывали цепями провинившихся крепостных и даже пытали их каленым железом, а под мостом, в полумраке, якобы устраивали над народом еще более страшные экзекуции.

В действительности никто никого ни к чему не приковывал, тем более не пытал, и во времена Пушкина, когда здесь жили Львовы, репутация у моста была самая что ни есть добрая и «чертовым» его

не называли: под мостом тогда находился один из трех каскадных прудов, а в вольерах плавали лебеди да еще мирные гуси и утки.

Вот что пишет об усадьбе Львовых В.Ф.Кашкова в своей книге «Пушкинский путеводитель»:

«Архитектурный ансамбль Василево-Митино был один из грандиозных в уезде. Он был "каменной симфонией" Н.А.Львова, по образному выражению современников. Возведенный на естественных террасах, искусно подправленных опытной рукой мастера, ансамбль стал своеобразной визитной карточкой Торжка для всех, кто ехал или плыл со стороны Петербурга».

Вот на каком месте расположен Музей деревянного зодчества, вот где будут проходить Троицкие гуляния!..

Завершив экскурсию, я встретился с научным сотрудником этого музея Мариной Рябковец, располагающей к себе ясной речью и грустными, уставшими глазами.

– Главное – недостаток финансирования, – с ходу говорит Марина. – А нет денег – нет и квалифицированных кадров!.. Кроме меня в музее есть только директор и кассир. Вот наступят холода, нужны дрова, исправные печи, здания нужно ремонтировать и просто поддерживать в них жизнь. Кроме того, надо охранять постройки от шkodливых посетителей. Да и добираться сюда каждый день из Торжка и обратно домой тоже

непросто. Транспорта у музея нет, а о личной машине при зарплате в 350 тысяч рублей в месяц даже мечтать не приходится: хватило бы денег на рейсовый автобус.

Я спросил у Марины о будущем музея.

– Трудно сказать, но если так будет продолжаться, то будущее за разрухой. Сейчас у нас два здания в аварийном состоянии; валунный мост – то же самое; ветряная и водяная мельницы разрушаются; наш шедевр – Спас на Сози – тоже в плохом состоянии... Может, в Твери или в Москве какие-то разговоры о спасении культуры идут, но мы здесь «внизу» об этом ничего не знаем и на своем уровне сдвигов не видим. В избе у нас живут переселенцы, и они как-то за нею следят, да еще за последней оставшейся лошастью. А в целом все грустно, – заключает Марина, все же улыбаясь...

Пройдет очередной праздник, закроется веселая и шумная ярмарка, отгуляют новоторы и гости, разойдутся по домам, разъедутся по деревням и селам, вернуться к своим делам, коих непочатый край, и останутся в одиночестве старинные деревянные постройки – безмолвные свидетели разных эпох и судеб. Даже не свидетели, а участники. Вырванные из своих родных мест и свезенные сюда для платного обзора, они обречены на постепенное умирание, потому что чье-то «благое начинание» уготовило им роль странного декора на фоне живой природы. В трактире должны варить, жарить, кормить; в церкви – служить молебен; в амбаре – хранить зерно; пожарное депо должно быть готовым к тушению пожара, а мельницы – ветряные и водяные – молотить зерно... Без всего этого постройки оказываются мертвыми. Их не способны оживить ни экскурсии, ни реконструкции. Дом должен жить изнутри. Причем той жизнью, которая была изначально в него заложена: сперва строителями, а потом и поколениями его жителей.

Сумеют ли в Торжке, в котором и без того проблем множество, найти силы и средства, чтобы оживить свой уникальный музей? Смогут ли найти некую сложную формулу, которая бы соединила уходящее с настоящим? Иначе музей превратится в унылое и заброшенное кладбище. Причем кладбище именно для того, что так хотелось бы сохранить...

Но... сейчас мы с вами на празднике! Вокруг деревянных построек множество народу, слышится детский смех, громкий веселый говор, играет гармонь, звучит песня, и потому всё грустное – прочь...

Вход на Троицкие гуляния был платным, что справедливо. Все-таки задействованы различные городские службы, для которых организация праздника – работа. Тем не менее кто очень хотел, мог попасть на территорию музея и просто так. С гостей праздника, которых встречали у входа принаряженные в яркие народные одежды новоторки, требовали исполнения какого-нибудь номера, например песни или стиха или просто шутки. Особо важным гостям

преподносили традиционные хлеб да соль: только что испеченный золотистого цвета каравай. Наконец-то и я, впервые в своей жизни, удостоился такого внимания...

До этого я наблюдал подобное чествование лишь с экрана телевизора. Вспомните, как какой-нибудь важный гость сходит по трапу самолета, или выходит из поезда на перрон, или высаживается из лимузина, а его уже встречают красавицы в народных костюмах и с поклоном преподносят каравай. И эти высокие гости вели себя как-то неловко, почему-то терялись, нервничали... Сначала осматривали каравай, потом, неуклюже наклонившись, откусывали от него или отщипывали кусочек своими неприспособленными для этого дела руками и клали в свой начальничий рот. А иные, особенно высокомерные, не делали даже и этого: просто брали у красавиц каравай и передавали своим помощникам или охране, считая для себя невозможным прилюдно жевать. И каравай, только что бывший в фокусе всеобщего внимания и находившийся в эпицентре события, в одно мгновение уходил даже не на задний план, но вообще переставал для всех существовать. А между тем мне интересна судьба этого недоеденного каравая: что с ним происходит, после того как символический акт гостеприимства уже совершен? Куда его девают после торжественной церемонии? Может, высокий гость затем спохватывается, мол, куда дели каравай? Или, может, охрана съедает его тут же за углом?

В отличие от официозных и казенных, каравай в Василёве предусмотрительно разрезали на кусочки, так что ни отщипывать, ни тем более откусывать его не пришлось, равно как и размышлять о том, что с ним случилось после церемонии: весь каравай был вскоре съеден.

Сразу же у входа в музей начиналась ярмарка. На ней были представлены изделия декоративно-прикладного искусства, и я уже было направился к первому лотку с какими-то яркими и необычными игрушками, но тут мое внимание было отвлечено появлением необычного существа – искусственной лошади.

Этот забавный номер всегда пользуется успехом, и, наверное, многие хотя бы раз в жизни его видели. Не знаю точно, как это делается, но, кажется, сначала создается муляж лошади – с гривой, конской мордой, хвостом, уздечками и шорами, – а затем все это надевается на двух артистов, которые, как могут, имитируют это умное парнокопытное животное, добавляя в его поведение немного человеческой дури.

Но здесь модель лошади была до предела упрощена. Обыкновенную мешковину натянули на двух самодеятельных артистов и там, где должна находиться голова, – пришили еще один мешок, в нем прорезали дырки для глаз и сделали некое подобие рукава, который при богатом воображении можно принять за вытянутую лошадиную морду. «Рукав» этот не был жестко приспособлен и потому свисал вниз, больше напоминая короткий толстый хобот, нежели морду лошади. Ни гривы, ни ушей, ни

ноздрей у этого существа не было, так что где-нибудь в Африке оно вполне сошло бы за слона, а в Австралии – за кенгуру. Здесь же, в исконно русском крае, все прекрасно понимали: это лошадь.

– А может, не лошадь? – спросил я у сопровождавших меня организаторов праздника.

– А что же это, по-вашему? – ответили мне вопросом.

На гриву, ноздри и прочие конские детали, сказали мне, нужны большие средства, а поскольку денег выделено не было, то и лошадь оказалась соответствующей. Как говорится, чем богаты...

Артистов, как мне показалось, в эти мешки на время праздника попросту зашили, чтобы они уже никуда не делись. Видимо, для большей красоты к туловищу описываемой лошади были пришиты красные, синие и зеленые лоскуты, так что настоящие кони, если бы увидели – шарахнулись. Но то кони, а народу нашему, особенно детям, именно такое и нравилось. Лошадь все время норовила покормить, просовывая в условную пасть конфеты, булочки, печенье, а один гость праздника пытался засунуть в рукав целый шашлык, и, когда кто-то из детей сказал с укором, что лошади не едят мяса, из пасти послышалось глуховатое: «Едят-едят!»

Нетрудно догадаться, что кормили и поили лишь первую половину условного животного, следовательно, того артиста, который был спереди. Второму, видимо, не доставалось ничего, а поменяться местами они не могли ни по техническим причинам, ни из-за большой разницы в росте: в этом случае выделялась бы не голова, а задняя часть лошади. Наверное, поэтому к концу праздника эта наугощавшаяся половина едва волочила ноги, в то время как задняя часть животного была в полном порядке. От этого лошадь уже больше походила на айболитовского Тянитолкая...

Теперь, отвлекаясь от этой диковинной лошади, я расскажу о тех изделиях декоративно-прикладного искусства, которые были выставлены на обозрение. Не обо всех, конечно, но лишь о тех, которые успел увидеть.

Что такое наша русская ярмарка вообще, я точно не знаю. Наверное, это большой базар, только не совсем обычный, в чем-то

праздничный, с бесшабашными гуляниями, песнями, хороводами; не только продажа и покупка навезенного отовсюду товара, но и своеобразный выход энергии для неизбалованного весельем трудового народа. Ярмарка – это наш российский карнавал. Здесь, в Василёве, ее масштаб был не ахти каким. Просто стояли у своего лотка продавцы, демонстрируя товар, который произвели своими руками. Нечто среднее между выставкой и магазином. Смотри, любуйся, но если хочешь и есть деньги, то можешь купить.

Что же мы здесь видим?

Вот принаряженные девушки показывают всевозможные тканые изделия – вышивку крестом и филейную гладь: полотенца, скатерти, накидки на подушки, салфетки, покрывала, занавески, лоскутные одеяла. Все это демонстрируют девушки-мастерицы из Твери, из акционерного общества «Лучинушка», – Оля Ковалева и Клава Смирнова. Рядом работы членов акционерного общества «Оберег» при школе-интернате номер два. Возглавляет это общество Константин Анатольевич Котовский. Он на празднике, со своими работами. Старица представлена Центром русской культуры. Изделия показывали и продавали вышивальщицы Лидия Михайловна Карасева и Тамара Козакова. Кроме работ вышивальщиц, были представлены мягкая игрушка, плетение из бересты, расписные разделочные доски и матрешки...

...Здесь эти матрешки были настоящими, в виде полноватых крестьянских девок, а не засунутых друг в друга горбачевых, ельциных, сталиных, лениных или брежневых, какими торгуют на Арбате или в других столичных местах, привлекая иностранцев. Из них, кстати, только матрешка-брежнев действительно похожа на прототипа, потому что именно в том месте, где обычно идет расширение шеи у матрешки, шло расширение и у Леонида Ильича. Так совпало! У других же советских деятелей такого сходства с матрешками нет: ни своими головами, ни туловищами, ни прочими частями тела они под наши матрешки не подходят, и потому выглядят эти деревопродукты просто уродливо. Но все равно их делают, а иностранцы – покупают...

Далее мое внимание привлек прилавок с куклами. Изготавливает их торжокская мастерица Эмма Александровна Васильева. Шьет им костюмы, рисует лица, делает парики и прочее. Она сама и ее продукция в Торжке хорошо известны. В местном Доме культуры есть даже выставка ее «кукольных портретов» – политиков и деятелей культуры, – но только персоны эти не общероссийского, а районного масштаба. Говорят, что никто Эмму Александровну делать куклы не учил, она сама каким-то образом всему научилась. Вообще, на ярмарке куклы были самые разные: сказочные персонажи, клоуны, звери... Особенно привлекают полуметровые Баба-Яга с длинным крючковатым носом и такого же размера ее извечный товарищ по темному ремеслу – Кощей Бессмертный. Действительное назначение этих кукол и мягких игрушек мне неизвестно, хотя промысел не новый, идущий из глубины веков. Видимо, такие куклы и игрушки нужны и не только для детской забавы.

...Сейчас, в связи с проникновением к нам западной кино- и телепродукции, в наши дома ворвались чуждые нам монстры и чудовища, всевозможные киборги, терминаторы, вурдалаки и еще невесть что. Кричат, визжат, брызгают слюной, бряцают клыками и челюстями! А жаль. Ведь у нас самих много чего есть достойного, не менее страшного и прожорливого. Те же Баба-Яга и Кощей Бессмертный. Еще неизвестно, как бы повел себя

хвалёный заморский Терминатор, увидав летающую в ступе бабушку с крючковатым носом, пытливым взглядом и увесистым помелом... А

ведь есть еще у нас Змей Горыныч о трех головах, затаившийся в листве Соловей-разбойник, есть Леший, ведьмы разные, чудища поганые и еще многое прочее, что незаслуженно забыто и высокомерно оттеснено на задний план. Пусть страшные, ничего, что поганые и злые, но зато свои, родные, домашние...

На нескольких лотках расположились всевозможные деревянные поделки: разного размера черпаки, братины – большие чаши, куда наливали брагу или пиво, пускали по кругу, поочередно пили и тем самым братались; небольшие ковши, из которых тоже угощали гостей, кроме того – подносы, ложки, половники...

– А что это такое? – спрашиваю у девушек, представляющих товар.

– Это черпаки, – отвечают мне.

– А что же ими черпать?

– Как что? Вы купите – и сразу найдёте что черпать, – отвечают, улыбаясь, девушки.

– Так ведь нечего черпать, – говорю я, разглядывая небольшой черпачок, который мне чем-то понравился. – Купить просто так, для декоративного оформления интерьера, – нехорошо. Вещь должна использоваться по назначению. Вот Лувр в Париже – огромное здание, а не декоративное: французы нашли ему применение.

Черпачок же этот вроде бы совсем крохотный, а куда его?

Тем временем вокруг нас уже собралось несколько человек.

– Ну что значит «нечего черпать»? Не может такого быть, чтобы в хозяйстве ничего не надо было черпать, – сказал какой-то мужчина.

– Знаю, – отвечаю я, – но вот ломаю голову, напрягаюсь

изо всех сил и никак не могу представить: что в нашей жизни можно черпать? Если надо, скажем, из кастрюли налить суп, то пользуемся половником; дальше для супа нужна ложка, а потом, для второго, уже вилка или просто руками... Но чтобы черпать?.. Просто нечего черпать, – отчаялся я, но черпак из рук не выпускаю.

– Да зачем выяснять? – сказала принимавшая участие в обсуждении проблемы женщина. – Лувр какой-то выдумал... Вот зануда!.. Купите, поставьте дома и пусть стоит, вещь-то вон какая красивая! С ручкой, резьба уникальная, это же произведение искусства!

Купил я все-таки этот черпак. Ведь, действительно, иной раз хочется чего-нибудь зачерпнуть – и нечем. Так теперь хоть будет чем...

Из деревянных игрушек я обратил внимание на небольшую скульптурную композицию, изображающую начальную сцену одной известной драмы: стоит, виновато потупя очи и облокотившись двумя руками на посох, чтобы не свалиться, несчастный старик; перед ним разбитое корыто, а по другую сторону этого корыта – старуха, в непреклонной позе, засунув обе руки в рукава и скрестив их на своем старушечьем животе, да с такой страшной и недовольной рожей,

что не приведи Господь!

*Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколось.*

Уж не знаю, с кого умелец вытесывал эту старуху, но, видимо, где-то в глухих тверских лесах или на болотах обитают такого рода

особи. Так ведь надо их найти, уговорить позировать, как-то объяснить, зачем все это нужно... А вот золотой рыбки в этой сценке нет. Но, может, это вовсе и не начало драмы? Может, как раз наоборот, это финал и уже вся эта история заканчивается? Что толку гадать, итог-то один – разбитое корыто...

Скульптурную композицию я покупать не стал, но вот деревянную игрушку, которая живо напомнила мне детство и которую я уже, наверное, лет тридцать не держал в руках, купил не задумываясь. Что же это за игрушка?

Это небольшой кружок фанеры, расписанный узорами: ромашками с зелеными лепестками на красном фоне. На дощечке стоят четыре деревянные курочки и один петух с поднятым кверху большим хвостом. Птицы, как и сама дощечка, тоже разрисованы в ромашку. Так вот, туловища этих куриц (и, соответственно, петуха) жестко прикреплены к фанерному кружку, но их головы и вытянутые шеи – свободно болтаются на тоненьком

штырьке. К каждой из этих куриных шей прикреплена отдельная нитка, которая затем пропускается вниз через небольшое отверстие. Там нитки соединяются и к ним прикрепляется груз в виде деревянного шарика. И когда всё это вращаешь, то куры (и, соответственно, петух) ударяют по фанерке головами, словно молоточками, изображая клевание зерен. Интенсивность клевания зависит напрямую от скорости вращения кружка. Игрушка почему-то называется «Куры авторские»... Признаюсь, иногда, втайне от всех, я не спеша вращаю эту игрушку: куры клюют зерно и постукиванием

успокаивают нервную систему, расшатанную суматошной Москвой. По такому же принципу устроены еще несколько деревянных игрушек, главный персонаж которых – медведь: он и по наковальне стучит молотом, и руки моет под умывальником, и даже работает на компьютере. Но мне больше понравились именно клюющие курочки...

Среди деревянных игрушек я заметил также Емелю-дурака, нарумяненного и почему-то с очень тонкой талией. В одной руке этот Емеля держал ведро, а в другой – только что пойманную щуку. Бедная щука была выгнута дугой, больше напоминая небольшое коромысло. Был здесь и воин-богатырь, за доспехами которого было невозможно разглядеть, есть ли у него руки, и очень интересная игрушка Леший.

Этот Леший представлял собою обыкновенный лесной пенёк, поросший мхом и грибами-поганками, и из пенька торчала смешная, болтающаяся на пружине голова, как и пенек, обросшая мхом. Кроме головы, из этого пенька выглядывали большущие лешачьи руки с ногтями, выкрашенными в зеленый цвет. На голове у Лешего как-то отстраненно сидела маленькая птичка, тоже почему-то зеленая, но не

попугай. Вроде очень смешно и забавно. Но это здесь, среди бела дня, на ярмарке, где много народу и даже есть милиция. А попадись такое ночью, где-нибудь в лесу или на болоте, – вмиг зайкой станешь.

Еще я купил две маленькие расписные глиняные игрушки: петушка и коровку. Петушок этот классический, гордый, стройный, с поднятой кверху головой, сразу видно, что делал этого петушка опытный мастер. А вот коровка попалась странная. Она, во-первых, меньше петушка; во-вторых, взгляд у этой коровки какой-то удивленный, а на голове, между рогами, кудрявый красный чубчик, а в носу – большое синее кольцо; кроме того, у коровки почему-то всего две ноги, а вместо туловища идет к хвосту простое сужение организма, как это устроено у тюленей или моржей, и все заканчивается маленькой дырочкой, в которую нужно дуть, потому что коровка, как мне подсказали, это еще и свистулька. И петушок, оказывается, тоже! Любопытно, но коровка, несмотря на то что

меньше петушка, издает, как и положено корове, звук низкий, а петушок пищит довольно высоко...

Была там еще такая же глиняная игрушка-козел, с большими желтыми растопыренными рогами и с коричневой в белый горошек бородой, но козла я почему-то покупать не

стал и теперь очень жалею: была бы у меня еще и свистулька-козел...

Несколько слов об этих самых свистульках надо обязательно сказать. Если кто-то считает, что их придумали для пустой забавы, лишь для того, чтобы люди свистели от нечего делать, то он глубоко

ошибается. Древние славяне с помощью таких свистулек прогоняли нечистую силу перед пахотой. Выходили в апреле толпой в чисто поле и давай свистеть что есть мочи. Шум вокруг Торжка поднимался невообразимый, зато злые духи пугались и уходили туда, где не свистели. Но там, где не свистели, народ наш древний дико кричал; а где не кричал – топал ногами, трещал трещотками и хлопал хлопушками, – словом, отовсюду старался злых духов прогнать подальше. Вот и оставались для несчастных Лешего, Бабы-Яги и их гонимых друзей лишь непроходимые лесные чащи да болота. А поживи-ка на болоте месяц-другой среди лягушек, головастика, водорослей вонючих и прочей гадости – ещё и не таким злым станешь. Кроме того что народ в эти свистульки свистел, он еще их закапывал под пороги своих изб. Опять-таки чтобы в дом не проникла нечистая. Поэтому археологи часто находят свистки именно под порогами древних строений. Мне говорили, что и сейчас иной новоторжец не прочь подложить под свой порог какого-нибудь свистящего козла или петуха. Выглядели эти глиняные свистки очень просто. Они не разукрашивались, что лишний раз доказывает их сугубо деловое предназначение. Игрушками свистульки никогда не считались, как не считается игрушкой и свисток постового или футбольного судьи.

Прошли столетия, и урожай стал зависеть не от свиста, а от плана. Свистки забылись, и они уже мало кого интересовали, но нашлась женщина (опять тверская женщина!), которая увидела в таких вот свистульках нечто большее, чем средство спасения от нечистой. Оказывается, стоит только всех этих козулек, петушков, лошадок и коровок разукрасить, как сразу же они превращаются в живые персонажи сказок, побасенок, преданий и могут явить собой иллюстрацию истории и культуры края. Нужно только суметь найти цвета, орнамент, сочетание красок; надо знать историю местности, традиции своей земли, любить и чувствовать природу, и не только местную; надо понимать характер народа, который живет в этих местах, чтобы уловить его черты... Словом, надо знать и уметь очень многое. Еще ко всему этому необходимо добавить трудолюбие и

усердие да еще робость перед Господом. Лишь тогда можно выразить в невзрачном кусочке глины сущность окружающего тебя мира. А чтобы этот необозримый мир созданное тобою не отверг, надо суметь маленькой фигуркой доказать свою любовь к нему. Не пустыми признаниями, но творчеством. Вот задачка!

...Галина Алексеевна Климовская – торжокский самородок, исследователь традиций, быта и искусства края, учитель, художник, поэт, скульптор, ученый-краевед. Родилась в Торжке в семье с богатой и славной историей. Она прямой потомок знаменитых торжокских фамилий – Пожарских и Шитаревых. Владение искусством поделок получила по наследству: изделиями из глины занимался дед. Свою первую фигурку Галина Алексеевна слепила еще до войны. В 1958 году её и таких же комсомольцев забросили в тайгу, где они расчищали площадку под строительство Братской ГЭС и города. Там же Климовская получила профессию лесоруба пятого разряда! В 1961 году возвратилась в Торжок.

Ее дочь Надежда вспоминает, что мама привезла из тайги множество впечатлений и сюжетов о медведях, о природе Сибири, о жизни строителей. У нее тогда были написаны стихи и рассказы, которые печатались в местной торжокской газете. До 1974 года Галина Алексеевна работала директором Торжокского дома пионеров. А лепкой серьезно начала заниматься в 1968 году. Как активную комсомолку, её убедили открыть мастерскую глиняной игрушки, и она выполнила партийное поручение, но уже через год ушла из мастерской в Педагогическое училище, где до самой пенсии преподавала изобразительное искусство. Днем Галина Алексеевна находилась в аудитории, а по ночам создавала сказочный мир глиняной игрушки. И достигла она в этом деле высокого мастерства и признания. Её игрушки видели на выставках в Москве, Ленинграде, Мурманске, Архангельске, Суздале и даже за рубежом: в 1994 году она полтора месяца провела во Франции, демонстрируя свое искусство. Г.А.Климовская окончила два института, участвовала во множестве научных экспедиций, увлекалась астрономией, археологией, историей и краеведением. У нее хранятся рукописи двух написанных книг: о золотном шитье и история Торжка. Кто хочет познакомиться со степенью профессионализма и компетентности Климовской, может прочесть ее статью о золотном шитье во втором номере журнала «Тверская старина» за 1995 год. Более серьезного и скрупулезного материала об этом промысле я не знаю. Представляю, какова её книга! Кроме того, Климовская была страстным туристом. Так, вдвоем с мужем они перешли Кавказский хребет! Она даже ходила в связке через ледники. А в море заплывала за горизонт. Летом её нельзя было застать в Торжке, потому что Галина Алексеевна путешествовала и жила в палатке. Любила она также и рыбалку. И не только летнюю... 20 декабря 1995 года, в стужу, она отправилась на очередную рыбалку, на озеро близ деревни Борисцево. В семь утра шла вдоль железнодорожного полотна, а навстречу двигался снегоочиститель. И каким-то образом этот снегоочиститель скребком зацепил Галину Алексеевну... Спустя

несколько часов она скончалась. Галина Алексеевна Климовская похоронена на кладбище в двухстах метрах от дома, в котором жила.

Несчастный случай – проклятый снегоочиститель...

Счастье для земляков, для нас всех – такое явление, как Галина Алексеевна, с её талантом, трудолюбием, подвижничеством и красотой. Вечная ей память!

Галина Алексеевна Климовская

Вернемся на Троицкие гуляния...

После знакомства с деревянными и глиняными игрушками я остановился у лотка с изделиями из бересты. Запомнились удивительно легкие воздушные берестяные шкатулки разных размеров с выдавленным узором и аккуратно прошитые лыком.

– Для чего эти шкатулки? – зачем-то спросил я.

– Чтобы туда что-нибудь положить и кому-нибудь подарить, – так же просто ответили мне.

Рядом со шкатулками – изящные кулоны с естественным природным рисунком, поэтому каждый такой кулон уникален. Эти изделия представлял на ярмарке Анатолий Романович Цалкин, с которым я успел поговорить.

Ему пятьдесят два года, по профессии технолог, а работает машинистом насосной станции. Берестяными поделками занимается в свободное время. К творчеству тяготел всегда. То рисунком занимался, то фотографией, но настало время, когда подобные занятия стали не по средствам: кисти и краски слишком дорогие, фотопринадлежности и того дороже. Иное дело береста. Пока еще вроде бесплатно. Да и особенного помещения не надо. Вся мастерская Анатолия Романовича – в одном из углов его небольшой двухкомнатной хрущевки, а весь инструмент – несколько ножей да просечки. Как видите, промысел не слишком затратный.

– Покупают ли эти изделия? – спрашиваю.

– Довольно слабо... Ярмарка – раз в год. Нужно выходить куда-то на рынок, где еще могут купить.

Анатолий Романович сдал немного своих изделий в Тверь: там при гостинице есть магазин. Кроме того, несколько месяцев назад отправил десяток изделий в торжокский музей. С тех пор об этих изделиях ни слуху ни духу: значит, не продали. Пробовал, кроме бересты, заниматься плетением из прутьев, но этот промысел занимает много места. Использовал в качестве мастерской гараж, но там холодно.

– Как же эти коробочки делаются? – спросил я Анатолия Романовича, разглядывая легкую круглую и почему-то очень теплую берестяную шкатулку.

– Вот эти коробочки прошиты липовым лыком. Сначала я шил берестой. Все очень просто, и вот эта-то простота и прельщает. В ней вся суть. Но простота – не примитивность.

Стоимость кулона пять тысяч рублей, а шкатулок – от десяти до двадцати пяти тысяч, в зависимости от размера. Так что больших доходов Анатолий Романович не имеет. Изделиями такими народ любит, но покупать не спешит. И вообще, пройдет ярмарка – где

найти этот товар? Только на квартире у Анатолия Романовича. Но где же искать эту квартиру? Приезжали, говорит, какие-то ребята из Москвы, набрали образцов, хотели наладить производство, чтобы торговать в столице, привозили для сравнения такие же изделия из Томска, где также есть берестяной промысел. Но затем уехали, и след их простыл.

Я купил две шкатулки, несколько кулонов и спросил, много ли таких мастеров?

– Нет, – ответил Анатолий Романович. – Знаю только Василия Васильевича Красноперова: вот кто действительно владеет старинным промыслом! А больше... не знаю никого.

Я поблагодарил Анатолия Романовича за рассказ, за его творчество, положил в сумку берестяные поделки и направился дальше. И тут мне встретился лоток со знаменитым торжокским золотным шитьем...

Что же это за чудо! Даже не знаю, есть ли у нас в России еще что-либо подобное, столь же безоговорочно прекрасное? Может, только природа наша да древнерусские храмы...

Проезжая через Торжок, Пушкин, который, конечно же, понимал ценность местного золотного промысла, купил вышитые золотом пояса и подарил их княгине Вяземской. И надо же! Княгиня кокетливо отругала Александра Сергеевича:

«Как можно так легко обращаться со своими прекрасными стихами и так сорить деньгами?»

Об этом промысле мы поговорим отдельно, не спеша, а пока я наблюдал, как совсем юные начинающие золотошвей демонстрировали расшитые с использованием самых разных швов полотенца, салфетки, варежки и еще много чего, в том числе разноцветные бархатные шкатулки, также расшитые золотой и серебряной нитками; записные книжки с золотыми узорами на обложке и, конечно, женские украшения – серьги, броши, пояса...

Представляли этот товар ученицы Торжокского училища золотного шитья, милые и улыбчивые. Выслушав мои восторги, они пригласили меня в свое училище и музей, где, по их словам,

находятся подлинные шедевры этого древнего промысла. Мы договорились о встрече в училище во второй половине дня, и я, увлекаемый потоком нарядных гостей праздника, направился дальше.

...Здесь я должен рассказать о том, что произошло со мною в последующие несколько минут.

Неожиданно я был буквально выключен из окружающей меня действительности и перенесен в совершенно иную реальность. Виною тому обыкновенные частушки, и даже не частушки, а лишь один их куплет, который внезапно запела какая-то резвая исполнительница, да так громко, что и без того быстроходная Тверца метнулась в сторону Волги. В некоторых местах обнажилось дно с оглушенными рыбами и пятившимися в сторону Прутни раками. При этом народная исполнительница так размахивала руками, что было

страшно за гармониста. Как человек впечатлительный, я уже не мог нормально существовать, и люди с развитым воображением меня поймут. Частушка такая:

*У меня на чердаке
корова отелилась.
Я сама не знаю, как
она туда забила...*

Дальше шли другие куплеты, с характерными повизгиваниями и прикрикиваниями, но их я уже не слышал, да и судьба гармониста меня больше не волновала. В моем воображении отчетливо вырисовалась удивительная картина: вот обыкновенная деревенская изба с огромным чердаком; там, на чердаке, на корточках сидит измученная родами корова, которая, вместо радости от деторождения, виновато смотрит в глаза каждому, прося о помощи; рядом с коровой едва держится на ножках и шатается только что родившийся теленок, который не понимает, что происходит; вот хозяйка стоит ни жива ни мертва, только всплеснула руками да заохала; старик-хозяин мечется от сарая к избе и обратно в поисках какого-нибудь спасительного для ситуации решения... А вокруг уже собираются соседи и даже жители окрестных сел; все они что-то обсуждают, разводят руками, вздыхают, качают головами, некоторые крестятся; а вот уже кто-то несёт доски, чтобы соорудить хоть какое-то приспособление и снять с чердака корову и теленка; кто-то предлагает вызвать пожарную команду... При этом никто не смеется. Дело серьезное: корова в предродовых схватках каким-то образом забралась на чердак деревенской избы, там счастливо разродилась и зывала о помощи. Бедное животное, усовестившееся от содеянного, могло только мычать, потому что даже и шевелиться особенно было нельзя: изба в любой момент могла рухнуть под её тяжестью...

Вне всякого сомнения, в основе этих частушек лежит подлинный эпизод из сельской жизни Тверского края...

Были на празднике и другие забавные частушки, но запомнилась только еще одна, которую радостно пела старенькая бабушка,

одетая в народный костюм и окруженная перевозбужденной праздничной толпой:

*Свет погас – это не шутка.
Раз на ферме случай был,
Что впотьмах осеменатор
Аж быка осеменил.*

Уже мое воображение принялось рисовать и эту картину, но тут сопровождающие привели меня в чувство, и мы двинулись к тому месту, где проходил детский фольклорный праздник.

Выступление детских фольклорных коллективов из тверских городов, сел и деревень проходило на поляне возле церкви Спаса на Сози, и это была, несомненно, самая трогательная и искренняя часть праздника. Здесь просто нельзя было остаться равнодушным и безучастным. Посмотрите, какие названия у детских ансамблей!

«Жерелочки», «Веночек», «Колядки», «Петрушка», «Зернышко», «Журавушка», «Егорка», «Вечорки», «Колокольчик», «Распев», «Ладушки»... Произнесите эти названия вслух и услышите в них столько добра, тепла, гармонии...

Я бросился фотографировать разодетых в народные костюмы детей. Они меня тотчас окружили, завязался разговор... Оказалось, «окружили» меня «Колядки», детский фольклорный коллектив из Торжка. Детишки оказались веселыми, открытыми и разговорчивыми. Впечатление, что мы знакомы уже давно.

– Какие песни поете и что в них находите? – спрашиваю у «Колядок».

– Самые разные. Из разных областей России. Водим, например, северные хороводы, – отвечает Юля.

– Хороводы водите с мальчиками? Пускаете их?

– Пускаем. (Смех.)

– Многих?

– А вот они все: Вася, Толя, Дима и Саша. А больше никого не пускаем.

Я спросил Васю, где и кем работают его родители?

– Мама у меня была спортивным педагогом в спортшколе, а для души пела в хоре. Затем она женилась... *(Общий хохот!)*

– Вышла замуж, – поправил я Васю.

– Да, вышла замуж, и папа ей разрешил петь в хоре... Многих мужья не пускали. А мама вот уже двадцать лет поет.

– А папа кем работает?

– Он столяр.

– Какие песни нравятся больше всего?

Отвечает Оля, самая маленькая из «Колядок». Ей десять лет.

– Больше всего нравится «Гуляй, Настя!», нравятся веселые плясовые песни, еще хороводная «Девка по саду ходила», нравятся частушки «Дудится-вадудится вода» и «Под лесом»...

– А какие музыканты тебе нравятся?

– Люблю «На-На», – быстро отвечает Оля.

Оказывается, на каникулы «Колядки» ездили выступать на юг, в лагерь «Орленок», и туда приезжали эти самые «На-На», давали концерт и произвели на Олю большое впечатление.

– А еще я люблю «Иванушки-интернейшнл» и Филиппа Киркорова: он очень похож на Кота в сапогах, – призналась Оля под общий смех.

– Книжки читаете какие-нибудь?

На этот вопрос ответила опять Юля.

– Читаю Пушкина, Достоевского, Толстого, а из музыки слушаю Чайковского и Римского-Корсакова.

– Политикой интересуетесь? – спросил я девочек. – И вообще, как живется? Что беспокоит?

– Было бы побольше спонсоров, чтобы можно было ездить и выступать, – ответила одна из девочек.

– Сколько вам лет? – спросил я эту девочку.

– Мне четырнадцать!

– Скоро появятся у вас и спонсоры, – предрек я, под хохот остальных «колядок».

Среди детей я увидел темноволосую девочку с восточными чертами. Спросил: «Откуда?» Оказалось, живет здесь, прямо в Митине. Мама русская, а папа узбек. Жили в Фергане. Там родители преподавали в училище. Потом семья переехала под Торжок.

– Узбекский язык знаешь?

– Нет, к сожалению. Пою только по-русски.

– А по Фергане скучаешь?

– Немного, да. Там я ходила в бассейн, и у меня о нем самые лучшие воспоминания. А здесь такого бассейна нет.

Ничего странного в ответе девочки нет: в жаркой Фергане прохладный бассейн действительно бесценен и потому особенно памятен.

– Что удерживает в «Колядках»? – спросил я Аню, которая в ансамбле уже пять лет.

– Народные песни.

– Кто-то пел в семье?

– Дедушка.

– А кто вам песни подбирает?

Отвечает Наташа:

– Все песни подбирает Елена Алексеевна. Она нам вторая мама...

Елена Алексеевна Зуева – бессменный руководитель и создатель «Колядок». Закончила институт и приехала работать в Торжок. В 1992 пошла в торжокский Дом школьников и предложила создать детский ансамбль, ее поддержали, и она из третьих классов набрала группу – двадцать человек. Сегодня «Колядки» имеют областную славу, поскольку не только участвуют в различных конкурсах, но и побеждают в них. Муж у Елены Алексеевны – боксер. Мастер спорта, тренер. Тоже занимается с детьми.

– А не поет? – спросил я на всякий случай. – Синтез кулачного боя с народными песнями очень органичен и на русских праздниках был всегда уместен.

– К сожалению, не поет, – ответила, улыбаясь, Елена и уже серьезно продолжила: – Эта работа – вся моя жизнь. Не представляю себя на другом месте. У меня совсем недавно умерла бабушка. И в последние дни, когда она уже безнадежно болела, я старалась быть рядом, часто навещала и записывала с ее слов песни. Как же так? Я ходила по селам, деревням, искала песни, записывала их, а под боком жил близкий человек, и я ничего не знала...

Валентина Федоровна Кашкова говорит, что в каждом доме имеется свой архив. Но есть еще самое ценное – наши старшие близкие. Пока они рядом, нам кажется, что это навсегда. И хотя многое нам дают наши бабушки, дедушки, у кого есть – няни,

сколько же мы упускаем из-за своего невнимания к ним! А ведь стоит только приглядеться, прислушаться... Быть может, это единственная ниточка, связывающая нас с прошлым семьи, родительского дома, родного края, села, деревни...

Вспомним Александра Сергеевича и его няню Арину Родионовну Яковлеву. Кем она была для него, простая крепостная, получившая вольную в год рождения Пушкина и отказавшаяся от неё, чтобы нянчить маленького Сашу? Что скрывается за этой сухой фразой: «отказалась от вольной»? И когда узнаешь ответы на эти вопросы – задаешься новым вопросом: о роли этой скромной женщины в истории русской литературы.

Поразительно! Будто самим Богом она послана Александру Сергеевичу, да и нам всем. Ведь сюжеты сказок Пушкин взял из рассказов няни. Это она прививала ему любовь к народным песням, былинам, она рассказывала ему «предания старины глубокой», от нее он впервые услышал народные слова и выражения, повести и сказки

о разбойниках, привидениях, домовых, русалках. Арина Родионовна сумела передать, а Пушкин – уловить необычайно глубокий смысл и потаенную особенность русских народных сказок и преданий. В 1816 году он написал стихотворение «Сон»:

*...Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, –
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...*

Кучер Пушкина рассказывал, как, будучи в Михайловском, Александр Сергеевич утром просыпался и первым делом бежал к няне: «Здорова ли мама?» Так он ее называл. Говорил: «Не та мать, что родила, а та, что своим молоком вскормила».

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках...*

Няня Пушкина, крепостная русская женщина, вскормила и всю нашу русскую литературу. Есть в этом чуде и справедливость, и добрый смысл. Давайте же внимательнее присмотримся к тем, кто рядом, кто заботится и печалится о нас.

Будем запоминать, а лучше – записывать их рассказы, биографии, истории из жизни и быта, случаи, приключения, – кто знает, чем отзовутся они в нас спустя годы или даже десятилетия. Так мы сможем сохранять память, восстанавливать столь недостающую в России связь времен и уже не будем ощущать себя временщиками, без роду и племени. Ведь догадайся раньше Елена Алексеевна, с кем живет и кто рядом, сколько бы она смогла сбересть и передать своим воспитанникам, а поющие дети рассказали бы всем остальным!..

...Тем временем подошла очередь выступать «Колядкам», они сразу же стали серьезными, сосредоточенными, ведь здесь где-то стоят и ждут их выступления родители, бабушки, дедушки, друзья, и, конечно, им стало не до меня. Настоящие артисты!

Я отошел чуть в сторону.

Сменяя друг друга, дети пели, плясали, разыгрывали забавные сценки и старинные обряды. Оторваться от их лиц, особенно от их глаз, было невозможно... Я отснял всю оставшуюся фотопленку и ужасно жалел, что не взял с собой еще.

– Откуда же в ваших краях столько милых девочек? Вообще, почему новоторки такие красивые? – не выдержал и спросил я у организаторов этого масштабного гуляния, после того как у меня закончилась фотопленка.

Мне с гордостью объяснили, что, мол, это факт общеизвестный и вовсе не удивительный, а для того, чтобы у меня и совсем не возникло никаких сомнений, рассказали известную среди местных жителей легенду, которая, вообще-то, не легенда, а чистая правда.

Оказывается, некогда Екатерине Второй было преподнесено уникальное, невероятной красоты, платье, расшитое руками новоторжских золотошвеек. Нигде в целом свете больше не сыскать

таких мастериц, и, конечно же, царственная Екатерина пришла в неописуемый восторг от своего наряда. Говорят, императрица вертелась в этом платье перед зеркалами несколько часов, совсем позабыв про свои обязанности. Трудно поверить, но в жизни Екатерины это было единственное платье, в которое она нарядилась дважды! А я, зная причуды женщин, думаю, что в своих потайных будуарах она еще не раз надевала это платье и позировала в нем перед зеркалами, примеряя к нему свои самые дорогие украшения, в то время как придворная челядь, выглядывая из-за комодов и шкафов, шептала ей:

– Ой, как вам хорошо, матушка!

– Сама фишу, что «корошо»! – кокетливо отвечала Екатерина с немецким акцентом, не отрываясь от зеркал. Давно такого с нею не случилось...

И вот, восхищаясь новоторжским платьем, императрица якобы потребовала немедленно доставить к себе во дворец ту самую

девушку-мастерицу, своими руками вышивавшую необыкновенной красоты узоры, которые, казалось, даже и не вышиты, а отлиты из драгоценного металла: так плотно были прижаты друг к другу тончайшие золотые нити.

Слово императрицы – закон! Это сейчас дело бы утонуло в волоките, интригах и демократических процедурах, а тогда уже через пару дней во дворец привезли крестьянскую девушку и, проинструктировав, представили пред высочайшие очи Екатерины Великой... И Екатерина, взглянув на крестьянку, была поражена, сколь некрасивой оказалась девушка, и немало удивилась всевластная императрица разнице между девицей и сотворенным ею золотошвейным шедевром!..

О, видел бы кто в этот момент взгляд Екатерины! Как она повела своими царственными бровями, как сверкнула очами! Страх божий! И вот, поблагодарив и по-царски одарив крестьянскую

девушку, Екатерина будто бы повелела собрать со всей Империи двести самых красивых и статных крестьянок и направить их жить в Торжок, да не просто жить, а обучаться золотошвейному ремеслу, потому что, как рассуждала императрица, «красирые феци должно делать красирым людям»...

– Вот, – сказали мне организаторы праздника, – откуда новоторки такие красивые и милые.

Легенда забавная и, учитывая нравы наших российских самодержцев, правдоподобная. Могли, могли наши властители сотворить и такое. И все же я (скверный характер!) почему-то засомневался в реальности этого события и решил проверить, как же было (и было ли?) на самом деле.

Я обошел многие музеи и архивы, встречался с самыми искусненными специалистами и старожилами, подробно расспрашивал их, поднимал всевозможные исторические документы, записки, мемуары и наконец докопался до истины, о чем и спешу поведать всем, включая и самих новоторов, для которых мои открытия могут оказаться неожиданными.

Действительно, Екатерине Второй однажды подарили расшитое в Торжке платье, и это платье, действительно, было ею надето дважды, и, на самом деле, императрица, придя от него в восторг, потребовала к себе во дворец мастерицу... Но далее было совсем не так, как мне рассказывали в Торжке. Было, оказывается, как раз наоборот. Девушка, которая предстала перед Екатериной Второй, была необыкновенной красоты. У нее были огромные голубые глаза, длинные ресницы, светлые волосы, заплетенные в длинную косу, а щеки ее были румяны от великого смущения и робости, которые охватили молоденькую крестьянку перед лицом матушки-императрицы. От волнения руки у девушки были беспомощно сжаты в кулачки и скрещены на груди, так что Екатерина, желая разглядеть пальцы умелицы, сама взяла их в свои руки.

– И что, – императрица обратилась к Потемкину, не выпуская из рук ладони девушки, – у них там фсе такие?

Князь Потемкин, большой знаток данного вопроса, утвердительно закивал.

И тогда Екатерина, немного поразмыслив, повелела отобрать двести новоторжских крестьянок-красавиц и направить половину из них в Москву, а другую половину в Петербург и выдать их там замуж, для того чтобы и в столицах наших появились такие же красавицы, такие же умелицы, какие в изобилии имелись в этих краях.

– Там они еще нарошают, – сказала Екатерина, подозрительно посмотрев на Потемкина и на подошедших к тому времени братьев Орловых.

– Нарожают-норожают, матушка, – хором согласились вельможные верноподданные, лукаво переглядываясь.

Вот какие исторические открытия удалось совершить мне, после того как я побывал на празднике в Василёве, и предлагаемые вашему вниманию любительские фотоснимки будут порукой тому, что я рассказал абсолютную правду. А вы, если увидите на улицах Москвы и Санкт-Петербурга длинноногих красавиц, знайте, откуда они взялись и кому своей красотой обязаны...

Вообще, на этом празднике было столько красивых девчат, что я не знал, в какую сторону глядеть. Признаюсь, я совсем забыл, что являюсь официальным гостем праздника и вести себя должен строго. Почему-то вспомнилось, как в далекой моей юности в Свердловске, на Площади 1905 года, к очередным октябрьским праздникам были вывешены огромные портреты Маркса, Энгельса и Ленина. Так вот, Энгельс и Ленин, как и положено, были изображены серьезными, целеустремленными и не вызывали никаких сомнений в своих политических и иных пристрастиях, а вот Маркс...

Безымянный уральский художник изобразил его каким-то очень живым, с лукавым, более того – с блудливым взглядом, так что проходившие по площади уралочки, глядя на классика, смущались и чувствовали себя неловко... Несомненно, то была идеологическая диверсия, и в эпоху тоталитаризма и застоя она произвела на меня такое впечатление, что многие годы я всерьез увлекался ортодоксальным марксизмом, из-за чего несколько раз едва не пострадал... Но сейчас, находясь немного в стороне от шумного и веселого праздника и разглядывая со стороны молоденьких красавиц в народных одеждах с удивительными орнаментами, я думал о странном парадоксе. Ведь все эти чудесные орнаменты появились не

случайно. В глубокой древности их старательно вышивали по краям одежды, особенно на шее, груди и на рукавах... чтобы туда, внутрь, под одежду, не мог забраться бес. Яркий, неповторимый узор, оказывается, отпугивал нечистую силу, и девушка могла спокойно жить, заниматься своим делом. А парадокс в том, думал я, что вот одних бесов они этими узорами отпугивают, а других... И еще вот о чем. Несколько раз я упоминаю в этом очерке словосочетание «народный костюм» или «народная одежда», и у читателя, вероятно, появляется уже некоторое раздражение: «Что значит "народный"? и почему об этом не рассказать?»

Но как расскажешь о народной одежде? Она столь разнообразна, что только на описание этих разнообразий потребуются отдельная экспедиция и многолетние исследования. Ведь не только в каждом уезде тверского края, но и в каждом селе и даже в каждой

деревне у народной одежды имеются свои особенности и детали. С мужской одеждой еще как-то разобраться можно: косоворотка туникообразного покроя, которая подвязывается поясом, да на праздник белая рубаха с вышивкой на груди. Много ли мужику надо? А вот с женским нарядом – просто беда!

Тут и рубахи разные: «жальные», «сенокосные», «венчальные», «спальные», «купальные»... и все обязательно с искусно вышитыми подольниками; и яркие сарафаны поверх рубах, да так, чтобы сарафаны эти были непременно с нарядной вышивкой, с всевозможными «обкладками», «плетеньками», «нашивками» и еще бог знает с чем; и пояса с различным орнаментом и расцветкой, желательны золототканые или, на худой конец, шитые из позумента; и головные уборы – все эти девичьи повязки и ленты, женские платки, нарядные ряски, кокошники, какие-то «сороки», причем разных видов, и есть еще «шлыки с рогами» (значит, есть «шлыки без рог») и «позатыльники», – и все это не просто так, а подавай с блестками, с жемчугом, расшитое золотой или серебряной ниткой, словом, чтобы блестело и сияло; а еще добавьте сюда обувь, и тоже желательны расшитую золотом или серебром; да надо поверх всего этого надеть всевозможные «обереги» – цепочки, янтарные ожерелья, браслеты из жемчуга, кольца с камнями, перстни и прочее, что противодействовало бы всякому «яду и чародейству».

Представьте, что все это тверские красавицы требовали с тверских мужиков. И не только в молодом возрасте. (Вон, на Троицких гуляниях полно старушек – и все они в новеньких народных костюмах!) А куда прикажете деваться мужику? Здесь мелочиться – себе дороже будет. Не купишь жене какую-нибудь «сороку», не подаришь вовремя «позатыльник» или «оберег» из жемчуга, не дашь денег на «шлык с рогами» – того и гляди, сам с рогами ходить станешь... Знаете, я прочитал несколько книг по истории тверской народной одежды, и ни в одной из них даже словом не обмолвились о мужских портках. Не о том, какого цвета они или фасона, но вообще: имелись ли они у здешних мужиков?

Ответ очевиден, когда узнаёшь, с какими расходами сталкивались тверские мужчины, чтобы приодеть своих ненаглядных.

Вообще, изучению народной одежды тверского края люди отдают годы и десятилетия, как, например, Людмила Эльмаровна Калмыкова, посвятившая народному искусству Тверской земли всю жизнь. Проще уж направить читателя к ее книгам и исследованиям. (См. «Народное искусство тверской земли». Тверь, 1995.)

...Тут меня, размечтавшегося о чем-то великом и значительном, находившаяся рядом Валентина Федоровна осторожно взяла под руку и сказала, что пора ехать в Митино обедать, потому что в училище нас уже ждут торжокские золотошвеи, а после них надо идти в гости к местным поэтам.

Троицкие гуляния еще всю продолжались, а я был вынужден спешно удалиться...

* * *

Спустя некоторое время я напечатал фотографии фольклорного праздника и еще раз поразился красоте молоденьких новоторок. Отослал эти фотографии Валентине Федоровне Кашковой в Торжок, и, спустя некоторое время, она мне написала:

«Знаете, почему фотографии такие славные? Девчущки (а что такое по 12-14 лет: девчата пробуют силу своего девичьего обаяния!) не в глазок фотоаппарата смотрели – они видели ваши глаза, которые метали искры восторга, и отвечали вам бессознательным, генным, прелестным, хитрым кокетством (помните, у одной взгляд из-под прищуренных ресниц, будто и не смотрит!). Так, наверное, делали их юные прабабки, когда подглядывали за “большими”, – ведь таких, в 10-13 лет, в *большой* хоровод не пускали, они свой водили, где-то сбоку, полуобиженно.

А тут эти акселератки – героини дня! Все на них смотрят, ахают! И они – как цветы после дождика! Можно научить петь, танцевать, что-то “разыгрывать”, но быть милой и обаятельной может научить только природа души. Вот как хороша и живуча эта наша природная способность!..»

Я показывал фотографии этих милых тверских девочек всем своим знакомым и друзьям, и, знаете, никто не остался равнодушен, были даже такие, кто плакал.

Почему?

Наверное, потому, что вместе с удивлением – откуда взялась эта родниковая красота, ведь там, в сельской тверской глуши, просто ничего нет и, кто знает, есть ли сегодня в России более нищий край? – закрадывается осторожный вопрос: не в этих ли тверских девочках надежда на спасение России? Не ради них ли и таких, как они, стоит нам, сильным и взрослым, жить, трудиться и хоть что-то успеть сделать? Ведь это наши российские мамы двадцать первого века!

Покидая праздник, я неожиданно увидел Режиссера. Он с кем-то беседовал. Мы перемигнулись, но подходить к нему я не стал, тем более что мы должны были вскоре встретиться за обедом.

На выходе, у самых ворот, уже знакомая нам старенькая исполнительница продолжала без устали петь:

*Развалилась поленница
пятнадцати кубов.
Не развалится Россия –
это же не куча дров!
Э-э-эххх!!!*

